

Психоанализ и новые медиа: разговор с Полиной Ювченко

ПАВЛО НЕДАШКІВСЬКИЙ

26 ЧЕРВНЯ 2019

Чарльз Тейлор в своей программной книге «Секулярный век» указывает на «обезличенный порядок» как на одну из черт, определяющих мышление Модерна, которое стремится упразднить иудео-христианскую традицию Лица: Бога и человека. Современный нам «текущий Модерн» унаследовал эти тенденции, перенеся их в стены музеев современного искусства, социальные сети и домашние очаги. Что это может сказать о нас самих с позиций психоанализа? Об этом сегодня мы поговорим с психоаналитиком Полиной Ювченко.

Фото: Timur Kostroma

– Известно мнение о том, что в современном искусстве имеет место устойчивая тенденция к *обезличиванию*. Речь идет не только об исчезновении портретной живописи, примером для нас также могут послужить постановочные фотопортреты Синди Шерман, обозначенные Лорой Малвей как «фантасмагория женского тела», *но не лица*. С позиции психоаналитика, о чем могут свидетельствовать подобные тенденции в искусстве?

– Сложно утверждать, что тот или иной жанр живописи исчезает. Возможно, в контексте современных медиа нам следует говорить о радикальной демократизации всех форм искусства? Несомненно, современное искусство, играя с массами оцифрованных данных, смещается в сторону веб-измерения. В самом деле, ощущает ли современный нам субъект нужду в приглашенном портретисте? Ведь он сам может создать сотни селфи, тут же обработать их в редакторе и почувствовать себя одновременно Рембрандтом, Ван Гогом, а заодно и всеми их натурщиками.

Сколько раз сегодня вы заглядывали в экран? Столько же раз камеры могли фиксировать и

узнавать ваше лицо. Другой, растворенный в цифровом поле, видел вас. И, в отличие от ницшеанской бездны, он умеет не только уловить ваши экзистенциальные нехватки, но и предложить варианты их коммерческих заполнений. Повсеместный и неизбывный взгляд — это сегодня не паранойяльный фантазм, а будничность постинформационного общества. Каждый день социальные сети бурно празднуют разнообразие — но не разнообразие ли это фантазмов о целостной личности?

Не секрет, что для каждого субъекта — обладателя тела — сегодня создается полная биометрика. Большой Другой, являясь в лице различных инстанций, делает жизнь мгновенной и удобной: окружает нас геотегами и подсказками, напоминает о важных датах и берет на себя часть рутины. Скоро для составления цифрового досье-слепок ваши гаджеты перестанут нуждаться в вашем волевом жесте и осознанном участии, а может быть уже не нуждаются. Вопрос в том, желает ли субъект именно этого?

Сколько раз сегодня вы заглядывали в экран? Столько же раз камеры могли фиксировать и узнавать ваше лицо. Другой, растворенный в цифровом поле, видел вас.

Еще недавно разобрать и заново собрать телефон, прощупав все принципы его работы, можно было за один вечер в кружке «Юный техник». Сегодня рядового пользователя призывают «дружить со своим смартфоном», не утруждаясь пониманием принципов его действия. Фактически, большинство людей носят с собой «черный ящик», из которого, как они уверены, 24/7 исходят развлечения и забота — но также и подспудная угроза частной жизни. Гиперопека со стороны служб и приложений, в совокупности с некоторой аурой загадочности вокруг ряда функций и реакций смартфона, является благодатной почвой для закреплений фобической тревоги.

Может ли современный художник увидеть отказ от сверхпотребления как отказ от навязанного медиа лица?

Если говорить об обезличивании, унификация была выгодна производителю, пока помогала продавать типовые товары массовому потребителю. Так работают предложения в стиле, внедренном еще голливудской классикой — «*white picket fence life*». Еще лет -дцать назад художнику было намного легче бунтовать против общества. Достаточно было обратиться

внимание на нечто зловещее в рекламной идиллии, как это сделали Линч, Уэльбек, Бегбедер, или упомянутая вами Синди Шерман, и заняться нарочито некоммерческим проектом. Многие неординарные деятели искусства приложили руку к деконструкции обезличенных глянцевых образов, действуя на грани «треша» и тонкой интеллектуальной пародии.

Однако сейчас протест против массовости заново утратил смысл, ведь массовость сервисов типа YouTube и Patreon как раз и дает возможность для уникализации. Миллионы ботов создаются только лишь затем, чтобы привлечь хотя бы пару сотен реальных, неидеальных лиц. На любой лик достанет ликования. Персонификация дает массу удобств и гибкие возможности для привнесения добавленной стоимости. Теперь вам стоит лишь «показать лицо» – и вам охотно предоставят облако тегов, а затем вам можно будет продавать наимаргинальнейшие бунтарства, еще и с сезонной скидкой.

В этом прекрасном новом мире оказывается, что вы оплачиваете люксовый ширпотреб, который сами для себя и создаете. Задумывается ли потребитель об овладении теми техническими средствами, которые позволяют ему вместе со всеми «быть не как все»?

– Следуя Эммануэлю Левинасу, Другой открывается мне как Другой именно своим «*ликом*» и в межличностном общении я *предстою пред ним*. О чем может свидетельствовать конструирование анонимного и/или фейкового «цифрового тела» или «аватара», скрывающего подлинное лицо собеседника?

– Другой вполне присутствует и в монологе. Любой монолог – это диалог, в котором пропущена часть реплик, не так ли? И наоборот – то, что кажется межличностным общением, редко выходит за рамки соединения реплик из разных монологов по ключевым словам. Узловой вопрос: кто и с кем говорит, когда полагает, что говорит с кем-то?

Долгое время анонимность давала свободу, подобную вхождению в карнавальное пространство в Средневековье. Однако сегодня отказ от лица – это ретрофутуризм, то есть стремление сохранить анонимность в мире, где она тает быстрее, чем снега Килиманджаро. В любом девайсе, которым вы владеете, сохраняется профиль ваших предпочтений. Даже если вы принудительно отключили все истории поиска и геопривязки, один-единственный запрос восстановит по обе стороны довольно точный портрет, основанный на статистических выборках Big Data и привычках в браузинге. Отсутствие личной информации в Сети сегодня характеризует вас красноречивей, чем любые сетевые экстравагантности и гигабайты фотоархивов.

Любой монолог – это диалог, в котором пропущена часть реплик.

Иной вариант – фейк, стилизованный под нечто, отстоящее от реалий субъекта. Например, ЖЖ гламурной тусовщицы, отстоящий от компании офисных трудоголиков, или профиль путешественника со стоковыми пейзажами – от домоседа. В этом случае психоаналитик будет заострять внимание на желании и на том, чьему взору предлагается подобный творческий порыв. Выбор фото или никнейма, которые кажутся произвольными или вовсе подбираются случайно, несвободен от работы Бессознательного.

О сокровищнице означающих, о широте действия символического Закона в речи прекрасно знали еще в древности. Царь безошибочно отыскивает свою царицу, а смерть во взгляде ускользает от сознательной рефлексии, не будь он Эдип или даже Пенфей. Сейчас мы могли бы сказать, что они отыскиали друг друга по скрытым тегам.

– Продолжая разговор о социальных сетях, является ли Instagram наследником длительной традиции *личностного повествования*, подобно поэтическому дневнику императрицы Елизаветы Баварской, или напротив, речь идет об исключительно внешней социальной репрезентации субъекта?

– Полагаю, вы очень метко сформулировали проблему, однако между этими предположениями стоит поставить предлог «и». Instagram – это такое же техническое средство для выражения идей, как кисть или фотоаппарат. Пользуясь возможностями современных онлайн-сервисов, субъект может выстроить любые коллажи, преследуя сразу множество целей. Каждый пользователь сегодня – император своего аккаунта.

Конечно, занимательно выглядят тут крайние проявления: когда на сугубо официальных аккаунтах внезапно публикуется что-то личное. Или, наоборот – в частном блоге начинается раскрутка политического воззвания. Но и утечки, и «хайп» могут быть частью медиастратегии целого агентства: ведь подобные сервисы живут за счет коммерческих аккаунтов, а частные микроблоги редко минуют рубеж статистической погрешности.

– Последние годы Всемирная Организация Здравоохранения фиксирует увеличение случаев расстройств аутистического спектра. Об этом также свидетельствуют знаковые представители различных направлений психоанализа. Можем ли мы предположить определенную связь между этой тенденцией и изменением конфигурации семьи, когда

родители уступают функцию законодателя в пользу партнерских отношений с ребенком? Иными словами, следуя выражению Соломона Резника, родители не позволяют ребенку «увидеть Отца». И какую роль во всем этом играет перепоручение родителями своего ребенка безличному взаимодействию с цифровыми гаджетами и мультимедийным контентом?

– Делая ребенка партнером, родитель тем самым подразумевает, что ребенок в состоянии оценивать свои ресурсы и планировать жизнь наравне с более опытными субъектами. Зачастую такая гипербола – неподъемный аванс, который ребенку так и не удастся освоить. Но изредка оказывается, что это единственное, что может работать: например, когда родители в эмоциональном плане оказываются беспомощнее своих отпрысков. Некоторым детям удастся переложить на себя свое воспитание, заполняя пробелы современными медиа. Однако чтобы выдерживать этот груз, ребенку следует сформировать довольно жесткое Сверх-Я.

Создается мир, где в дефиците наполненная речь, направленная от субъекта к субъекту. А от установленных тобою Законов страдаешь лишь ты сам – не с кем бороться, не на кого злиться, кроме себя самого. Другие люди предстают абстрактными, ирреальными, это NPC – неигровые персонажи. Они интересны лишь в функциональном смысле – для запуска сопряженных с ними программ. Нужно лишь следить, чтобы мир не сбивался с ритма. Правильно введенный запрос дает релевантный ответ. Имена Отца, таким образом, выстраиваются в логике структуры приложений и сообразны языку запросов и архитектуре баз данных.

Другие люди предстают абстрактными, ирреальными, это NPC – неигровые персонажи. Они интересны лишь в функциональном смысле – для запуска сопряженных с ними программ.

Чем может быть интересен и ценен другой живой человек вне экрана гаджета, попросту неясно. Более того, реальный другой может раздражать избыточной телесностью, пугать хаосом спонтанности. При живых контактах велик риск срывов и формирования симптомов, которые напрямую угрожают жизни и препятствуют социализации.

Но, даже добыв Грааль раннего взросления и успешного самовоспитания, такой субъект

может быть сбит с толку. Он может перестать понимать, чем же он желает заняться. Ведь в детстве досуг и праздность были подчинены необходимости «выдерживать партнерство». Самый неприятный вопрос здесь: не было ли главной миссией его существования избавление родителей от... себя самого? Какой запрос вводили, чтобы на свет появился именно он? Есть ли смысл в продлении его жизни помимо тех коммерческих идеалов, которые медиа навязывают в рекламе актов потребления?

Ради обретения возможности выбрать зависимость в любви к себе, к другому, к миру, не без поддержки психоаналитика, «независимость от» приходится переосмыслять как «независимость для».

– Многие психоаналитики также говорят о повсеместном возвращении меланхолии. Можем ли мы говорить об особенностях «цифровой меланхолии» т.е. об особенностях меланхолии в новых технологических условиях?

– Если говорить об особенностях меланхолии в новых цифровых медиа, я предпочитаю ссылаться на практику, где прослеживается закономерная связь между меланхолическим состоянием и увлечением постапокалиптическими повествованиями. Это целый пласт видеоигр, браузерных игр, голливудских франшиз и личных блогов, коллективного сотворчества *à la* мир Самосбора. Эстетика апокалиптических ожиданий позволяет субъекту связать гибель мира с проживанием внутреннего краха. Сейчас фанатское сообщество всколыхнул сериал «Чернобыль», которому уже посвящено немало контента – в медийном измерении это очередная попытка пережить подобный траур. Увы, зачастую субъектам за постапокалипсисом незачем далеко ходить: некоторым для этого достаточно просто выглянуть в окно. Однако новые технологии позволяют оцифровать гиблые локусы, а затем попытаться пропустить трагедию сквозь экраны, увидеть ее в интерактивном измерении.

Меланхолия связана с чувством непоправимой и неизбежной ошибки, с переживанием фатального разлома и в конечном итоге – гибели мира. В меланхолии субъект, в отличие от obsessions, не защищается от вины, а стремится к ней и спокойно отдается каре. Субъект существует лишь как репрезентация утраченной Вещи, необратимо истаивая от либидинальной геморрагии и не имея возможности обрести опору через желание Большого Другого.

Возникает лишь один вопрос: чем занять это пустое ожидание, как структурировать время до гибели? Психоаналитик может здесь парировать: если вы *действительно* разуверились во всем, то сможет ли вам повредить психоанализ? Это пари Паскаля, которое по факту смерти Бога может быть заключено лишь в отношении глубинной интроспекции.

ПАВЛО НЕДАШКІВСЬКИЙ

26 ЧЕРВНЯ 2019

Warning: count(): Parameter must be an array or an object that implements Countable in
/home/kairosbo/verbum.com.ua/www/wp-includes/post-template.php on line **284**